
**ТҮРКІ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ТАРИХЫНДАҒЫ «АҚ ДАҚТАР»
«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
"WHITE SPOTS" OF THE HISTORY OF THE TURKIC PEOPLES**

ҒТАХР 03.20.00.

**ТҮРКІ ӘЛЕМІНІҢ ҰЙҒЫРЛАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ
ТРАГЕДИЯЛЫҚ ТАРИХЫ**

Бақтияр Тохтахунов

**"Заң газетінің" бас редакторы, гуманитарлық ғылымдар магистрі,
Қазақстан, Алматы қ.**

Автор-корреспондент

e-mail: tohtahunoff2015@yandex.ru

Аннотация: мақалада Орталық Азиядағы ең көп халықтардың бірі ретінде ұйғыр этносының даму кезеңдері қарастырылады. Ұйғыр жазуының қалыптасу кезеңдері және олардың түркі және әлемдік өркениет үшін маңызы талданады. Сондай-ақ, автор Шығыс Түркістан халықтарының әлеуметтік-этикалық дүниетанымына, ұлт-азаттық күресіне және олардың жаппай саяси қуғын-сүргінге ұшыруына назар аударады.

Әр түрлі хронологиялық дереккөздерді, әдеби шығармаларды, сондай – ақ көпұлтты Қазақстан Республикасында тұратын халықтардың мәдени дәстүрлі ерекшеліктерін терең талдау арқылы Шығыс философиясының мәселелерін зерттеу елдің басты мұраларының бірі-ата-баба мұрасының құпияларына қол жеткізудің өте қиын және сонымен бірге бірегей мүмкіндігін ұсынады. Сақталған еңбектер, ойлар және түпнұсқа шығармалар. Қазақстанда тұратын ұйғыр этносы ең көп және дамып келе жатқан этностардың бірі болғанына қарамастан, қазіргі Шығыс Түркістан тарихнамасында қалыптасқан проблемаларды ескере отырып, бұл халықтың ұлттық, әлеуметтік және философиялық ойларының аспектілері аз зерттелген болып көрінеді.

Кілт сөздер: Шығыс Түркістан. Ұйғыр жазуы. Ұлт-азаттық күрес. Қуғын-сүргін. Орталық Азия. Түркі өркениеті. Араб-мұсылман мәдениеті. Әлеуметтік менталитет.

МРНТИ: 03.20.00.

УЙГУРЫ ТЮРКСКОГО МИРА И ИХ ТРАГИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Бахтияр Тохтахунов

главный редактор "Юридической газеты", магистр гуманитарных наук, Казахстан, г. Алматы.

Автор-корреспондент

e-mail: tohtahunoff2015@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются периоды развития уйгурского этноса, как одного из самых многочисленных народов Центральной Азии. Анализируются этапы становления уйгурской письменности и их значение для тюркской и мировой цивилизации. Автор также акцентирует внимание на социально-этическом мировоззрении народов Восточного Туркестана и национально-освободительной борьбе, а также на массовые политические репрессии.

Изучение вопросов восточной философии посредством глубоко анализа различных хронологических источников, литературных произведений, а также культурных традиционных особенностей народов, населяющих многонациональную Республику Казахстан, представляет собой очень непростую и в то же время уникальную возможность притронуться к секретам одного из главных достояний страны – наследию предков через сохранившиеся труды, мысли и оригинальные произведения. Несмотря на то, что уйгурский этнос, проживающий в Казахстане, является одним из самых многочисленных и развивающихся, аспекты национальной, социальной и философской мысли этого народа представляются малоизученными с учетом проблем, которые сложились в современной Восточно-туркестанской историографии.

Ключевые слова: Восточный Туркестан. Уйгурская письменность. Национально-освободительное движение. Репрессии. Центральная Азия. Тюркская цивилизация. Арабо-мусульманская культура. Социальный менталитет.

IRSTI 03.20.00.

THE UIGHURS OF THE TURKIC WORLD AND THEIR TRAGIC HISTORY

Bakhtiyar Tokhtakhunov

**editor-in-chief of the "Yuridicheskaya gazeta", Master of Arts, Kazakhstan,
Almaty c.**

The corresponding author

e-mail: tohtahunoff2015@yandex.ru

Annotation: The article examines the periods of development of the Uighur ethnic group as one of the most numerous peoples of Central Asia. The stages of the formation of the Uighur script and their significance for the Turkic and world civilization are analyzed. The author also focuses on the socio-ethical worldview of the peoples of East Turkestan and the national liberation struggle, as well as mass political repression.

Studying the issues of Eastern philosophy through a deep analysis of various chronological sources, literary works, as well as cultural traditional characteristics of the peoples inhabiting the multinational Republic of Kazakhstan, is a very difficult and at the same time a unique opportunity to touch the secrets of one of the main assets of the country – the heritage of ancestors through preserved works, thoughts and original works. Despite the fact that the Uighur ethnic group living in Kazakhstan is one of the most numerous and developing, aspects of the national, social and philosophical thought of this people seem to be poorly studied, taking into account the problems that have developed in modern East Turkestan historiography.

Key words: East Turkestan. Uyghur writing. The National Liberation Movement. Repression. Central Asia. The Turkic civilization. Arab-Muslim culture. The social mentality.

Описать Восточный Туркестан пытались многие путешественники, как в раннем Средневековье, так и в Новом времени. В сохранившихся источниках можно найти интересные факты, повествующие о жизненном укладе, быте, традициях и культуре когда-то существовавших здесь народов. Благодаря описаниям китайских, европейских и русских исследователей, мы можем отследить историю развития древних уйгурских городов, узнать о цивилизационных процессах в Центральной Азии, где смешались представители оседлой и кочевой культур, открыть страницы богатого письменного и философского наследия великих мыслителей Востока – Сыңгу Сели Тудунгам, Юсуфа Хас Хаджиба Баласагунского, Махмуда Кашгарского, Ахмада Югнаки и Алишера Навои.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать отдельные фрагменты событий исторического культурного наследия уйгурского народа, дошедших до наших дней. И, возможно, глядя на цивилизационный подъем Центральной и Передней Азии, появится понимание того, какой вклад они внесли в мировую историю.

Как появились уйгуры

Несмотря на кажущееся обилие исторических материалов и хроник, повествующих о судьбе кашгарцев, яркендцев, хотанцев, аксуйцев, кучарцев, турфанцев и т.д. (название народностей – *прим. авт.*), сегодня известно не обо всех европейских экспедициях в этот далекий край. Однако такие исследователи, как Валиханов, Богоявленский, Куропаткин, Маннергейм, Куальбас и др., оставили уникальные описания географического, этнографического и исторического значения, которые дают возможность ознакомиться с жизнью уйгуров Восточного Туркестана глазами иностранных путешественников. Следует особо отметить, что чрезвычайно важную роль в развитии не только экономики городов Восточного Туркестана, но и государственных образований сыграл Великий Шелковый путь, проходивший вдоль как северных, так и южных оазисов вокруг пустыни Такла-Макан. Он связал Восточный Туркестан древнекитайской цивилизацией на Востоке и Средней Азией на Западе. Важную роль играли контакты с цивилизациями Индии, Ирана и глубинной Центральной Азией.

Так, индийский дипломат и общественный деятель Кумар Падма Шивашанкара Менон пишет: «В первые десять веков христианской эры влияние индийской культуры в Синьцзяне было столь велико, что область эта может быть с полным правом названа, как назвал ее Птолемей Сериндой» [1, с. 78-88].

Примечательно, что до середины XIX в. Восточный Туркестан оставался неведомой землей для европейских исследователей и в целом науки. Примерно за два тысячелетия до того, как там появились русские и английские исследователи, китайский путешественник по имени Чжан Цян составил первое описание этой страны. С тех пор в течение почти тысячи лет информация о Западном крае (Си юй – именно так называли Восточный Туркестан сами китайцы – *прим. авт.*) фиксировалась главным образом только в китайских исторических и географических сочинениях. В изложениях, а также переводах иностранных синологов данная информация оставалась практически главным источником тех знаний, которые использовали европейцы в XVII – первой половине XIX в. при формировании географической и этнографической «картины мира».

Вскоре исследователи поймут, что Восточный Туркестан задолго до эпохи великих географических открытий был отнюдь не провинциальным захолустьем. Страна находилась на перекрестке мировых торговых путей, здесь бывали, а нередко и оставались, основывая колонии-поселения купцы, ремесленники, даже крестьяне-иммигранты из многих стран. При этом мировая общественность по сей день не имеет единого представления о происхождении самого многочисленного народа Восточного Туркестана –

уйгуров. В связи с этим возникает вопрос: что мы вообще знаем об уйгурах, как о самом древнем народе в Центральной Азии, сохранившим свою оригинальную и самобытную культуру? И что, собственно, означает этот этноним?

В своей монографии «Очерки уйгуров Советского Казахстана», написанной в 1975 году в Алма-Ате, казахстанский уйгуровед М. Кабиров приводит весьма интересные сведения, которые якобы были запечатлены еще со времен Александра Македонского: «Уйгуры – автохтоны Восточного Туркестана. Еще Птолемей (II в. н. э.) назвал уйгуров «ойхардами» и пометил их на своей географической карте в самом центре Восточного Туркестана» [2, с. 27].

То, что уйгуры – аборигены Восточного Туркестана, находит подтверждение и в трудах Махмуда Кашгари. Вот что писал он 941 года тому назад: «Когда Александр Македонский приблизился к тем местам, где живут уйгуры... каган выслал ему навстречу четыре тысячи всадников. На их головах были шапки с перьями, напоминающие собой крылья сокола. Они были исключительно меткими стрелками из лука и на полном скаку поражали с одинаковым искусством цель, находящуюся как перед ними, так и за ними. Александр Македонский был поражен их мастерством и поэтому назвал их словом «худхурант», что означает – человек, который никогда не останется голодным, так как в любой момент может настрелять себе дичи. Никакой зверь не может спастись от них бегством... После этого область, где проживает этот народ, стала называться «худхур» [3, с. 134-135].

Не останавливаясь на этимологии этнонима «уйгур», заметим, что Александр Македонский «приблизился к тем местам, где живут уйгуры» т. е. к Восточному Туркестану в 329-327 гг. до н. э. Имя его на Востоке было столь популярно, что М. Кашгари даже возникновение уйгурских городов в Восточном Туркестане связывает с именем великого полководца. «Однако, независимо от этого из сказанного видно, что уйгуры в эпоху Александра Македонского не только населяли Восточный Туркестан, но и имели там свои города и свое государственное образование» [4, с. 28].

То, что уйгуры являются аборигенами Восточного Туркестана, утверждает и академиком В. Бартольд, который четко обозначает, что помимо своего существования, этот народ имел еще и высокую культуру развития: «ветвь этого тюркского народа... пограничной с Китаем части Восточного Туркестана, уже в V в. до Рождества Христова достигла высокой степени культуры» [5, с. 31]. Другой видный ученый Д. Позднеев писал: «Государство уйгуров известно китайцам за 126 лет до н. э. Они называли его Чэши. Отсюда мы уже можем понять, что... родиной уйгуров были страны притяньшанские» [6, с. 11].

Письменность и наследие

XIX век стал периодом активного исследования истории и этнографии уйгурского народа. В этот период увидели свет работы Ч. Валиханова по Кашгарии (1868 г.), «Исторические комментарии» В. Григорьева к переводу на русский язык работы К. Риттера «Землеведение Азии» (1869, 1873 гг.), В. Радлова «К вопросу об уйгурах» (1863 г.), Д. Позднеева «Исторический очерк уйгуров» (1899 г.). Важно отметить, что уйгуроведческая наука обогатилась большим количеством материала, добытого экспедициями Ч. Валиханова (1858-1859 гг.), Б. А. Сосновского, Э. Л. Матусовского и П. Я. Плясецкого (1874-1875 гг.), Н. М. Пржевальского – (1876-1878, 1879-1880, 1883-1885), братьев Грум-Гржимайло (1889-1890 гг.), М. В. Певцова (1889-1890 гг.), В. И. Роборовского (1893-1895 гг.), Н. Ф. Катанова (1891-1892 гг.).

В исследовании памятников уйгурской письменности ведущая роль принадлежит таким ученым как В. Радлов, Абель Жан Батист Мари Мишель Паве-де-Куртейль и Г. Вамбери. Паве-де-Куртейль издал перевод уйгурских сочинений XV в., а В. Радлов и Г. Вамбери – произведение Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни «Кутадгу билиг» (XI в.). И если венгерский тюрколог издал лишь отдельные отрывки из этого памятника, то В. Радлов опубликовал текст, набранный на уйгурском алфавите, дал его транскрипцию и полный немецкий перевод. К данному изданию ученый приложил еще одно исследование под названием «К вопросу об уйгурах», в котором высказал мысль об этногенетическом единстве орхонских и восточно-туркестанских уйгуров, а язык поэмы «Кутадгу билиг» назвал уйгурским. В 1861 году И. И. Ильминский отметил, что «Кутадгу билиг» можно рассматривать как «образчик уйгурского наречия» [7, с. 17-18].

Во второй половине I тысячелетия н. э. сведения о стране уйгуров были запечатлены в древнетюркских письменных памятниках, созданных в самом Восточном Туркестане или по соседству с ним. Практически все памятники были признаны достоянием науки только в конце XIX-XX вв. Ученые востоковеды изучали ветхие бумажные и кожаные листки, деревянные дощечки, костяные пластинки, которые были погребены в песках на протяжении нескольких веков и сохранили для нас образы иного мира – это религиозные и литературные памятники, отчеты администраторов и частная переписка, хозяйственные записи и юридические документы. К сожалению, сегодня, невозможно выяснить, кто именно являлся автором тех или иных строк, поскольку в большинстве их писали разные люди, преследуя различные цели – миссионерские, политические, торговые, ритуальные, эпистолярные.

«Они писались на санскрите и китайском, тохарском и согдийском, парфянском и среднеперсидском, тибетском и сирийском. Неожиданно оказалось, что под барханами пустыни Такла-Макан и в сухих предгорьях Тянь-Шаня обнаружены памятники, казалось бы, навсегда утраченные в тех странах, где они были изначально написаны – тексты из Индии, Китая, Ирака. Вместе с тем, древняя литература Сериндии (так называл эту страну

великий английский путешественник А. Стейн) – яркое свидетельство блестящей и многообразной собственной цивилизации» [8, с. 9].

Уйгуры стали известны в Европе и мире благодаря путешественникам и послам XIII в. Марко Поло, Плано Карпини и Гильому де Рубруку и великим монгольским ханам Мунхэ, Хубилаю, преемникам Тулуй-хана – сына Чингисхана. В своем историко-этнографическом исследовании по российским и казахстанским материалам «Происхождение уйгуров, ойратов (калмыков) и других телэских племен XVIII в. до н. э. – XIV в. н. э.» доктор исторических наук из России Александр Шабалов отмечает, что современные исследователи-уйгуроведы особенно должны быть благодарны послу французского короля Людовика IV, монаху ордена миноритов – Гильому де Рубруку, который оставил наиболее подробные записи о югурах – так, видимо, первоначально произносился этноним «уйгур». Уроженец далекой Фландрии, некоторые называют его Виллем де Рубрук, в своих отчетах и путевых записках писал, какую значительную роль играли югуры при дворе Мунхэ-хана, об их расселении, о вероисповедании югуров, об особом доверии, каким пользовались югуры-писцы и мн. др. [9, с. 115-116].

В 1993 г. в Алма-Ате было издано «Путешествие в Восточные страны», куда вошли «История монголов» Плано Карпини и «Путешествие в Восточные страны» Г. Рубрука. Надо отметить немаловажное значение средневековых (VIII-XI вв. н. э.) письменных памятников об уйгурах «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского, «Кутадгу билиг» Ю. Баласагунского и др. [10, с. 5].

Социальная и духовная культура

С IX по XIII вв. уйгурская культура раннего Средневековья достигла своего расцвета. Гуманизм идей и духовная культура народов Средней Азии и Восточного Туркестана через своих выдающихся мыслителей и ученых оказали свое влияние на развитие цивилизаций других стран, в том числе Центральной и Западной Европы. В это время культура уйгурского народа развивалась под влиянием двух качественно различных цивилизаций, двух религиозных мировоззрений – буддизма и ислама. Первая – это буддийско-уйгурская культура, получившая преимущественное развитие в Турфанском идикутстве. Крупными представителями этой культуры являются Кумараджива и Сынку Сели Тудунг. Вторая – арабо-мусульманская культура государства Караханидов, получившая мировое признание благодаря таким ее выдающимся мыслителям, как Махмуд Кашгари и Юсуф Баласагуни. Деятели культуры уйгурско-идикутского общества твердо держались буддизма и по своим политическим интересам примыкали к восточно-азиатскому миру, а караханидцы усвоили ислам и втягивались преимущественно в сферу западно-азиатского региона [11, с. 74].

Изучая историю уйгурского народа, очень часто встречаются упоминания о древнем Уйгурском каганате, который в эпоху былого могущества существовал относительно непродолжительное время и распадался нес-

колько раз. Однако каждый раз страна возрождалась в новых масштабах и в совершенно иных политических, а также географических условиях. Главной предпосылкой и важнейшим условием расцвета культуры уйгуров стали государственные образования, созданные ими на различных этапах исторического развития: Уйгурский каганат (VIII-IX вв.), Уйгурское Тур-фанское идикутство (IX-XIII в.), Ганьчжоуское княжество (X-XI в.), Кучарское княжество (XI-XII в.), государство Караханидов (IX-XIII в.) [12, с. 90].

«Из всех тюркоязычных народов, населявших обширные пространства Центральной Азии в древности и средние века, уйгуры, создавшие ряд государственных образований в виде 1-3 каганатов, достигли наибольшего прогресса в развитии культуры, искусства, ремесел. Их государственные образования, а затем отдельные княжества, возникшие (после падения третьего каганата в 840 г.) в Ганьчжоу, Куче, Турфане и др. местах, и позднее объединившиеся в Уйгурское Турфанское государство, просуществовали почти 500 лет. Это обстоятельство породило большой интерес востоковедов мира, в результате чего появились многочисленные исследования по истории и культуре, языку и литературе уйгуров» [13, с. 12].

Из сказанного следует, что уйгуры оставили богатое наследие на древнейшем полотне мировой истории. Это именно та история, которую они отразили сами и о которой знали все развитые цивилизации того времени. Благодаря сохранившимся письменным памятникам, наследие нации дошло до современников, и сегодня история уйгурского народа стала предметом пристального внимания и изучения историков, религиоведов, культурологов, лингвистов, социологов, географов и простых путешественников.

Почему Чингисхан выбрал уйгурскую грамоту?

Все больше ученых задается вопросом: почему по мнению большинства историков-исследователей именно уйгуры достигли высокого уровня развития в древние и средние века? Как им удалось запечатлеть историю многих народов через свое уникальное и универсальное письмо? Почему они занимали видные государственные посты на службе у Найманских ханов, а позже и у Чингисхана, (в соответствии с историческими и археологическими данными, государственный язык времен эпохи Чингисхана – тюркский, письменность создавалась на уйгурской основе: 21 буква, столбиком, сверху вниз) [14, с. 130-131], который впоследствии заставил всех монголов обучаться уйгурской грамоте? Ведь из истории известно, что одним из важных решений по организации государственных дел, принятых Чингисханом, стало введение уйгурского письма в качестве официального алфавита. Монголы до этого не знали письменности. Естественно, на протяжении столетий монгольские кочевники многократно совершали набеги на китайские земли, знали о существовании китайского письма, но оно их почему-то не заинтересовало, видимо, было трудным для восприятия.

По мнению казахстанского культуролога, профессора В. Тимошинова, уйгуры оказали влияние на монголов не только в области градостроительства, но и духовной культуры. Чингисхан отдал предпочтение уйгурской цивилизации, потому что она была ближе всего (монголам – *прим. авт.*); среди уйгуров было много остатков кочевых преданий и степных обычаев. «Уйгурской письменности обучалось все молодое поколение монгольской знати, они передали монголам письменность, стали крупными деятелями монгольской культуры. Уйгуры не только оказывали влияние на развитие культуры других народов, но и сами воспринимали их культуру» [15, с. 155]. После покорения найманов в 1204 году Чингисхан взял на службу уйгура Тататунгу (по одной из версий, в современном наречии это имя могло звучать как Тохтахун, однако лично я считаю, что это не более чем выдумка – *прим. авт.*), хранителя печати убитого найманского хана Таяна. Племя найманов было тюркского рода, близкое по языку к другим племенам, объединенным великим завоевателем.

В своей книге «Тюрки или монголы?» известный казахстанский исследователь эпохи Чингисхана академик Международной академии Чингисхана Анатолий Оловинцов отмечает, что Тататунга объяснил Чингисхану основные принципы государственной организации и продемонстрировал важность помещения императорской печати на документах, что помогало подтвердить их подлинность. Это стало началом процесса, который должен был привести к учреждению монгольской государственности. В обязанности Тататунги входила подготовка и подписание официальных документов. Неграмотный Чингисхан был, тем не менее, достаточно проницателен, чтобы понять, что его сыновья и ведущие чиновники должны научиться читать и писать. Поэтому Тататунга в дополнение к обязанностям хранителя печати стал наставником сыновей нового повелителя [16, с. 52-53]. И не только наставником, но и учителем царевичей по письму на своем языке (тюркском) уйгурскими буквами.

«Одним из важнейших приобретений, которое дала вновь введенная письменность, явилось то, что благодаря ей оказалось возможным закрепить и кодифицировать монгольское обычное право и народные обычаи и воззрения, разумеется под сильным влиянием на эту кодификацию взглядов самого Чингисхана» [17, с. 317]. В своих записках китайские дипломаты Пэн Да-я и Сюй-Тин подтверждают, что монголы в документах используют уйгурские буквы, а в городских школах преподают уйгурское письмо, а также перевод с языка татар. Как только ученик выучивается переводить с этого языка, он становится переводчиком» [18, с. 182]. Примечательно то, что уйгурской письменностью монголы пользовались без изменений до XVI – XVII вв. «Известно, что дипломатические послания монгольских правителей французскому королю в 1289 и 1305 гг. были написаны по-уйгурски» [19, с. 56]. Так Джувеини пишет: «Так как у татар (монголов) не было письменности, то Чингиз повелел, чтобы дети татарские выучивались

грамоте уйгуров... и его законы запечатлели бы в свитках. И это – все записанное уйгурскими письменами называют «Великою книгою Яса»» [20].

В системе более развитых государств

Еще одним вариантом ответа на вопрос о былом могуществе уйгуров, является выгодное географическое положение, где когда-то осел этот народ. Они обосновались на пересечении крупных торговых путей, по которым осуществлялся оживленный обмен материальными и духовными ценностями между представителями различных культур, этносов, верований и даже цивилизаций. Их города стали местом встречи кочевых и оседлых народов из Ирана, Индии, Сибири, Греции, Европы и Китая. Но главная причина объясняется тем, что уйгуры оказались под влиянием мощного межконтинентального политического воздействия, а если точнее, стали прямыми трансляторами межкультурного диалога, поскольку имели свойство очень легко перенимать чужую идеологию, религию и, соответственно, имели благоприятную возможность для смешивания с различными народами. Европейский ученый, работавший в Восточном Туркестане в самом начале XX в., германский ориенталист и путешественник Георг Хут в своих исследованиях отмечал, что сложные условия существования – природные, политические, культурные наложили свой отпечаток на историю, но, тем не менее, не прекратили развитие культур народов Восточного Туркестана. Г. Хут видел причину этого положения в том, что восточно-туркестанские земли были окружены высокоразвитыми цивилизациями – китайской, индийской, и даже античные города Средней Азии оказали на культуру населения этого региона свое влияние. Кроме того, исследователь отметил, что через земли Восточного Туркестана проходили два крупных торговых пути, точнее два ответвления Великого Шелкового пути, связывающие два края света между собой, что также отражалось на культуре местного населения. Один из этих торговых путей, северный, проходил через Восточный Тянь-Шань, города Кашгар и Куча. Второй, южный путь, проходил через горы Куэн-Лунь и город Хотан. Эти обстоятельства, по мнению Г. Хута, объясняют необычное культурное многообразие народов Восточного Туркестана. Ученый отмечал соседство в культуре местных этносов влияния римского искусства, китайских монетных традиций, индийских религий и литературы; сосуществование среднеперсидской, китайской, арабской, индийской письменности и языков наряду с уйгурской и древнетюркской письменными традициями. Им было обнаружено также большое количество неизвестных рукописей на неизвестных ранее языках и не расшифрованных к началу XX в. Вероятно, он имел ввиду находки тохарских текстов, расшифрованных немецкими учеными Э. Зигом и В. Зиглингом в 1908 году [21].

Ученый исследователь А. Бернштам писал по этому поводу: «Подъем уйгуров продолжался до тех пор, пока они сохраняли свою, хотя бы культурную самостоятельность, пусть даже в системе других государств. Только с Цинской династии маньчжуров наступают черные дни для уйгуров, лишившихся политических возможностей раскрытия своих творческих дарований» [22, с. 93]. Говоря о высокой культуре уйгурского народа, которая пережила века и внесла свою лепту в развитие мировой цивилизации, а также в историю Центральной и Средней Азии, некоторые ученые полагают, что наследие этого народа еще долго будет предметом исследований ученых-востоковедов.

Говоря о социальном и культурном развитии уйгурского народа, необходимо сказать и об огромной роли других великих народов, которые, как показывает история, оказывали свое особенное влияние на жизненный уклад, мировоззрение, а также традиции различных племен Восточного Туркестана. Это казахский, кыргызский, узбекский, персидский и арабский народы. Подчеркивая их значимость, знаменитый советский востоковед А. Бернштам отмечал: «В сложной истории Восточного Туркестана отчетливо выступают разносторонние связи с народами Средней Азии, особенно для северных оазисов... Особенности исторического развития народов Восточного Туркестана приводили к все более нарастающим общностям культурного и этнического характера, ярче всего раскрываемым в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгурский народ и его культура целиком и полностью были связаны с историческими судьбами народов Средней Азии, предков современных казахов, киргизов, узбеков [23, с. 20].

Вклад Чокана Валиханова в мировое исследование

Становится понятным, что в современной историографии нельзя исследовать общественно-философскую и социальную мысль определенного народа в отрыве от мировой культуры. И если российские и европейские исследователи акцентировали особое внимание на географическом положении Восточного Туркестана для наращивания геостратегических преимуществ своих держав, то великий казахский путешественник и этнограф Чокан Валиханов преследовал иные цели. Ему было важно найти связь с самим народом, понять его сущность, жизненный уклад и культуру. Благодаря своему аналитическому складу мышления, он мог добыть гораздо более ценные сведения для Российского государства, нежели его предшественники. Таким образом, Ч. Валиханов стал первым человеком, заложившим основы научного исследования истории и культуры уйгуров. Признавая авторитет Ч. Валиханова и ценность его открытий, П. Семенов Тянь-Шанский писал: «Во всяком случае, путь к исследованию ближайших к нам частей Тянь-Шаня был проложен. Уже в 1858 г.... Ч. Валиханов... пробрался... с торговым караваном через Заукинский перевал в Кашгарию и

собрал там весьма много интересных научных, как этнографических, так и статистических данных» [24, с. 26].

Материалы, собранные Ч. Валихановым по Восточному Туркестану, особенно в период его пребывания в Кашгаре (октябрь 1858 – март 1859 гг.), и в настоящее время представляют большую научную ценность, так как содержат результаты исследований по истории, этнографии и географии этого края. Более того, Ч. Валиханов был одним из первых, кто поднял вопрос о насущной необходимости изучения Центральной Азии: «Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство двух могущественных европейских держав, России и Англии, большая часть ее все-таки остается для европейской науки во многих отношениях недоступною... сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенно «terra incognita», как говорилось в старину, то, по крайней мере, трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем [25, с. 325].

За особый вклад в изучение Восточного Туркестана Ч. Валиханов был избран членом Русского географического общества. Его научные труды были признаны мировой наукой. После экспедиции Ч. Валиханова некоторое время Россия воздерживалась от посылки в Восточный Туркестан своих представителей. И только после того, как в результате национально-освободительного движения уйгуров и дунган образовались несколько независимых владений, для переговоров с главой Иэйтишара Якуб-беком в 1868 году туда был направлен капитан генерального штаба Рейнталь. Миссия от России была призвана еще раз продемонстрировать ее интерес к этой стране, дать понять об искреннем желании иметь с Кашгарией торговые отношения. «Рейнталь собрал ценнейшие данные о состоянии политической и экономической жизни Восточного Туркестана в этот период. Те же цели преследовали и две последующие миссии в Кашгар капитана Генерального штаба барона Каульбарса в 1870 и 1872 гг., а также вторичная – Рейнталья в 1875 г.

«Суждения ученого о национальных особенностях и самобытности жизни, нравов, обычаев уйгурского народа, о необходимости конкретно-исторического подхода к его судьбам имеют большое значение в истории изучения уйгуров. Он первый поставил и в основном правильно решил ряд важных вопросов истории уйгуров, ввел в научный оборот уйгурские рукописи, которые до него не были известны» [26, с. 144].

Придавая большую ценность собранным материалам Ч. Валиханова, важно отделить друг от друга фактические и субъективные оценки описаний. Так, читая высказывание М. Певцова: «Литературы в Кашгарии не существует, за исключением десятка сочинений бухарских и арабских...» [27, с. 288], – следует делать скидку на то, что автор мог не знать деятелей уйгурской классической литературы XIX в., таких, как Билал Назым, Низари, Гариби, Зияи, Мулла Шакир, Садыр Палван, Сеит Мухамед Каши и многих

других в отличие от Ч. Валиханова. Наш знаменитый соотечественник стал первым представителем России, посетившим его в 50-х гг. XIX в. Являясь офицером по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири, он совершил поездки на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан. Его исследования вошли в научные труды, которые оценены еще современниками как важный вклад не только в русское, но и мировое востоковедение [28, с. 58-59].

О социальном менталитете народов Восточного Туркестана

Как утверждает современная наука, социальный менталитет – передающаяся по наследству совокупность осознанных и неосознанных культурных, нравственных и мировоззренческих ценностей и установок различных социальных общностей, определяющих их социальное поведение.

С XVII по XX вв. народы Восточного Туркестана всколыхнула волна революционного пробуждения, повернувших массовое сознание обычных крестьян в сторону социального равенства и справедливости. Так, появились сотни гуманистов-революционеров (Садыр Палван, Илахун Коккоз, Абдухалик Уйгур, Лутфулла Муталлип, а также женщины: Ипархан, Маимхан, Назгум, Анархан, Ризвангуль и др.), которые призывали население того или иного региона сбросить ненавистное иго иноземных захватчиков и обрести долгожданную свободу. Говоря о гуманистических и философских воззрениях идейных просветителей уйгурского народа, понять причины того, почему их появление стало возможным и впоследствии оказало большое влияние на мировоззрение целых поколений довольно просто. В первую очередь этому способствовала утрата уйгурами независимости и жестокая тоталитарная диктатура вкупе с массовыми репрессиями цинского Китая.

Во что об этом писали русские историки: «После завоевания Цинской империей Восточного Туркестана в 1756-1759 гг. цины начали проводить постепенную политику по ущемлению прав мусульман региона, ряд крупных ошибок цинской администрации, как массовая казнь участников антицинского сопротивления с конфискацией имущества семьи, насильственное переселение крупных групп уйгуров в Илийский край, поголовное истребление жителей Уч-Турфана, назначение не местных чиновников над покоренными городами, бесплатное возведение крепостей, унижительные китайские церемонии и др. привело к серии небольших локальных восстаний, как: восстание под предводительством Тилла-кари (1814г.), восстание под руководством черногорца Зиявуддина (1816г.). Как следствие, после подавления массы населения участвовавших в восстании и им сочувствующих были вынуждены эмигрировать, по большей части в Ферганскую долину, где прочно обосновались потомки белогорских ходжей. Организация белогорцев в Кокандском ханстве проводила активную антицинскую деятельность» [29].

Одним из самых ярких представителей народно-освободительного движения уйгуров за независимость является Самсак-ходжа или Салих-ходжа – лидер уйгуров конца XVIII века. Он был потомком ходжей – Ахмада ал-Касани Махдуми Азам (Махтуми Азам, 1461 – 1542 гг.) и Аппак ходжи, правящего клана белогорских ходжей Восточного Туркестана до цинского завоевания.

Сын Бурхан ал-Дина Ходжи – последнего правителя уйгурского теократического государства ходжей, погибшего в Бадахшане после поражения в борьбе с Цинской империей. После смерти отца и дяди Самсак-ходжа был тайно увезён из Бадахшана уйгурскими беками в Бухару, затем в Коканд, где ему было предоставлено кокандским ханом Нарбута-бием политическое убежище, и откуда он и его потомки руководили национально-освободительным движением уйгурского народа вплоть до конца XIX века [30].

Военный министр Российской империи, а также главнокомандующий в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. А.Н. Куропаткин в своих мемуарах писал:

«Этот ходжа после долгих скитаний поселился в Коканде, и собрав вокруг себя кашгарских эмигрантов, открыл деятельную пропаганду в пользу освобождения своей родины от ига китайцев. Его агенты разъезжая по городам Западного Туркестана, собирали для этой цели приношения и фанатизировали слушателей описаниями страданий их единоверцев. Кашгарский народ прислушиваясь к вестям из Коканда, заносимым торговцами, начал смотреть на Сарымсака как на своего избавителя и ждал только случая, чтобы открыто заявить ему свои симпатии». [31]

Каждый народ мечтал о своей независимости и уйгуры не были исключением. В 1818 году потомок белогорцев Джангир-ходжа (сын Самсак-ходжи) организовал первое крупное восстание против колониального ига Цинской империи, собрав более 100 тысяч плохо вооруженного и экипированного крестьянского ополчения. Против них выдвинулось 70 тысяч хорошо обученных и регулярных имперских войск, которые довольно быстро и жестоко подавили восстание, усмирив непокорные массы. Их предводитель – Джангир-ходжа сумел сбежать.

В 1826-1828 гг. им было организовано повторное восстание и Джангир-ходжа взял крупные города, такие как Кашгар, Яркенд, Хотан и Янгигиссара.

«После джангирского восстания обнаружилась вся слабость китайцев, которые до тех пор для азиатцев казались непобедимыми. Кашгарские патриоты ожили духом и получили новую и сильную надежду к возвращению самостоятельности своего Отечества», писал Ч. Валиханов. [32 Ч. Ч. Валиханов. «О состоянии Алтышара, либо шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу Малой Бухарии»].

Однако, повстанцы не смогли долго радоваться своим успехам, поскольку новое наступление на Аксу, Учтурфан, Карашар, Кучар привело к скорому поражению восставших, а Джангир-ходжа схвачен и затем был казнен в Пекине. По некоторым данным в кругу предводителя повстанцев

был предатель, который сильно завидовал народной популярности лидера народного движения.

На этом восстания не закончились. Каждое десятилетие знаменовало новую волну сопротивления из-за чего цинские власти подавляли их с еще большей жестокостью.

За каждым подавлением шли массовые репрессии. До первого переселения уйгуров в 1881-1883 гг. больших и мелких восстаний насчитывалось несколько десятков. Определенную часть восстаний помогали подавлять русские военные отряды.

Так, исследователь Ярослав Пилипчук в своей исследовательской статье «Уйгурское национальное движение и Китай в XX веке». «Миллиард. Татар» пишет следующее:

«Одним из решающих сражений войны стало второе сражение за Урумчи в декабре 1933 – январе 1934 гг., когда ханец Чжэнь Пэйюань, воевавший на стороне дунган, захватил дорогу между Чугучаком и Урумчи. Гоминьдан оказывал негласную поддержку Ма Чжуньину, желая свергнуть Шэн Шицая. Видя свое сложное положение, Шэн Шицай пригласил на помощь Советские войска. Эпизодом второй битвы за Урумчи была битва за Тутунь, которая собственно и решила результат кампании. После этого Советские войска наступали в Корлу через Кашгар. Корлу было занято ими 16 марта 1934 года. В этом походе к ним присоединились две тысячи торгоутов. Также, на стороне русских интервентов сражался Ходжа Нийаз. Дунгане разбили его отряд в битве при Аксу, и в середине января 1934 года Ходжа Нийаз бежал в Кашгар. В дальнейших боях за Кашгар дунгане столкнулись с войсками Восточно-Туркестанской республики. Имея две тысячи против 10 тысяч уйгуров, дунгане нанесли им поражение. Ма Чжуньин попросил у британского консула в Кашгаре помощи. Базируясь в Маралбаши и Пайзивате, он создал линию укреплений.

В апреле 1934 года русские вывели Алтайскую добровольческую армию из Восточного Туркестана. Негласно там осталось одна тысяча воинов с танками, артиллерией, самолетами. Также Шэн Шицаю помогали советские военные советники. В Маралбаши силами дунган руководили Ма Хушань и Ма Чжуньин. Русские служили в авиации Шэн Шицая, и в июне 1934 года бомбардировке подвергся Маралбаши. Ма Чжуньин был вынужден отойти в район Хотана, а оттуда перешел Советскую границу, после чего был интернирован.

В сентябре 1933 года Сабит Дамулла и Мухаммад Эмин Бугра провозглашают создание Республики, которую первоначально хотели назвать Исламской Республикой Уйгуристан. Однако в историографию она вошла как Восточно-Туркестанская Тюркская Исламская Республика, поскольку если бы они назвали Республику Уйгурской, то это бы оттолкнуло казахов, кыргызов и дунган. 12 ноября 1933 года была созвана Национальная Ассамблея. Она приняла конституцию и проголосовала за национальные символы государства. Республика была названа Тюркской Исламской

Республикой Восточного Туркестана. Новая Республика имела проблемы с финансами. Против нее выступили дунгане Ма Чжаныцана.

Президентом Республики был Ходжа Нийаз, а премьером Сабит Дамулла. Среди иностранных стран доминирующим влиянием в Восточном Туркестане пользовалась Турецкая Республика. Для того чтобы получить международное признание, правительство Тюркской Исламской Республики Восточный Туркестан отправили своих послов в СССР, Афганистан, Иран, Турцию. Консулу Великобритании в Кашгарии Дж. У. Томсон-Гловеру предложили принять Восточный Туркестан под протекторат британцев. В Кабуле туркестанские послы встретились с Захир-шахом и афганским премьером Сардаром Мухаммедом Хашим-ханом, прося об оружии. Афганцы предпочли не ссориться с русскими.

Туркестанские послы имели встречу в Кабуле с немецким консулом. На помощь Шэн Шицаю пришли русские. Большевики видели в уйгурах агентов влияния Японии. В Синьцзян была направлена так называемая Алтайская добровольческая армия, которая состояла из двух дивизий. Ходжа Нийаз прибыл в Кашгар для того чтобы принять должность президента. Однако против него выступили дунгане, и Ма Чжаныцан разбил вооруженные силы Восточно-Туркестанской Республики под Кашгаром. Махмуд Мухити с остатками уйгурской армии отступил к Яркенду и Хотану. Кыргыз Джаныбек бежал в Индию. Ходжа-Нийаз с небольшим отрядом же отошел к Артушу и пересек бывшую российско-цинскую границу, которая стала советско-китайской границей. Советская власть предложила ему сделку. Он как президент был должен подписать бумаги, по которым Восточно-Туркестанская Республика ликвидировалась. За это он получил власть на юге Синьцзяна.

Премьер Восточного Туркестана Сабит Дамулла был схвачен и казнен ханьцами в Аксу в июне 1934 года. Жестокое подавление Уйгурского восстания привело к смерти около 100 тысяч человек разных национальностей. Впрочем, компромисс Советских деятелей с Ходжа-Нийазом был временным, и он был убит в 1941 году.

1 августа 1934 года Шэн Шицай создал «Антиимпериалистическую ассоциацию народных масс Синьцзяна», где были доклады на китайском и уйгурском. В 1936 году произошел Всесиньцзянский съезд представителей казахов и кыргызов, а в 1937 году съезд монголов. В 1937 году был создан городской отдел народного образования, где работали педагоги разных национальностей. На Алтае среди казахов выходила газета «Новый Алтай». В 1935 году ЦК КПСС СССР предоставил финансовую помощь Шэнь Шицаю на пять миллионов рублей и направил в Синьцзян мирных специалистов – инженеров и техников. Кроме того, СССР перевооружал армию синьцзянского губернатора. Впрочем, южная часть Синьцзяна пользовалась неким самоуправлением. В этом регионе укрылись части уйгуров и дунган, которые уцелели после 1934 года. В 1937 году на восстание их поднял Кичик Ахунд вместе с Ма Хушанем.

Шэн Шицай выступил против уйгурской дивизии Махмуда Мухити. 2 апреля 1937 года последний бежал из Кашгара через Йанги-Хисар и Яркенд в британскую Индию в Кашмир. Побег Махмуда Мухити поднял на восстание уйгуров в Артуше, Яркенде и Йанги-Хисаре. Шэн Шицай запросил советскую поддержку, и русские бомбардировали с самолетов Яркенд и Йанги-Хисар.

Как сталинское НКВД уничтожало непокорных

Позже с установлением Советской власти на Кашгар двинулись Советские солдаты и техника. Уйгурские студенты в Ташкенте были расстреляны сталинским НКВД. Советский консул в Урумчи армянин Гарегин Апресов был отозван в Москву и там был расстрелян по сфабрикованным обвинениям. Вероятно, это было вызвано с тем, что он не смог предотвратить восстание уйгуров. Ма Хушань тем временем был направлен на подавление уйгурского восстания, но дунгане присоединились к повстанцам. Кыргызы восстали у Кучи. Были волнения мусульман в Хами. Ма Хушань сделал попытку овладеть Кашгаром. Он как представитель дунган обратился к британскому консулу в Кашгаре. Он указывал, что повстанцы хотят свергнуть Шэн Шицай и установить на прямую связи с правительством Чан Кайши в Нанкине.

В августе 1937 года пять тысяч советских военных были переброшены в Синьцзян. Они были призваны Шэн Шицаем. Войска синьцзянского губернатора к тому времени были разбиты повстанцами в битве при Карашаре. В битве при Аксу уйгуры Кичика Ахунда были разбиты советскими войсками и авиацией. Кичик Ахунд и Абд ал-Нийаз бежали в Кашгар. Шэн Шицай же подкупил одного из дунганских командующих Ма Шэн-куэя. Тот поднял оружие против Ма Хушаня и вошел в Кашгар. Однако дунгане под командованием Ма Хушаня, Ма Цзюлуна, Пай Цзыли отступили в Каргалык. 7 сентября 1937 года дунганские офицеры эмигрировали в Кашмир.

Против Шэн Шицай восстали казахи на Алатау. В 1943 году там сформировалось пять партизанских отрядов, которые вели партизанскую борьбу. Казахов возглавил казахский курбаши Оспан-батыр. Массовые политические репрессии в период «Малого Октября в Казахстане» привели к тому, что в Синьцзян и Монголию в 30-х гг. XX века мигрировало около 600 тысяч казахов. В 1933 году казахи Шараф-хана из племени киреев приняли участие в восстании народов Восточного Туркестана против ханьской власти. В 1940 году против ханьцев поднял восстание Ногайбай. Ханьцы бросили на подавление восстания значительные силы. Кроме того, Шэн Шицай поддержали советские и монгольские войска. После гибели Ногайбая восставших казахов возглавляет Ырыс-хан, который был сыном Ногайбая. В этом восстании отметился Оспан-батыр. В 1941 году он убил советских специалистов на территории Алатау.

В ноябре 1946 года, перейдя на сторону Гоминьдана, Оспан-батыр начал борьбу с частями Восточно-Туркестанской Республики. В феврале 1947 года. ЦК КПСС Советского Союза приняло решение о физическом устранении Оспан-батыра. МГБ СССР это должно было сделать руками войск и спецслужб Восточно-Туркестанской Республики. В июне 1947 года Оспан-батыр вел борьбу на монголо-китайской границе. Он был вынужден откочевать в Монголию, но уже в сентябре 1947 года с налета взял Коктогай и Шара-Сумбе. Оспан-батыр стал известен на Западе. Американские СМИ распространяли сведения об Оспан-батыре как о друге США.

Это вынудило русских перекинуть в район Алатау три тысячи воинов вместе с техникой. Оспан-батыр оставил Шара-Сумбе и отступил. Однако когда к нему прибыли посланцы от монголов, то он их выдал гоминьдановским властям в Урумчи. Вместе с Оспан-батыром против Советской власти боролся Калибек, который был начальником уезда Саван в Тарбагатае. Калибек был разбит войсками Восточно-Туркестанской Республики и был вынужден бежать в Урумчи. В 1949 году власть в Китае захватила Коммунистическая партия Китая, но Оспан-батыр продолжал борьбу до 1951 года и вместе с ним сопротивление коммунистам оказывали правитель города Хами Йолбарс-хан и бывший министр финансов Восточно-Туркестанской Республики Жаным-хан Хаджи. 19 февраля 1951 года Оспан-батыр был схвачен частями Народно-Освободительной армии КНР и 26 февраля 1951 года публично казнен в Урумчи. Правительство Восточного Туркестана эвакуировалось из Урумчи и в начале августа 1947 года вернулось в Кульджу». [33].

Так был положен конец одному из последних крупных восстаний мусульманского населения Синьцзяна и настал период массовых репрессий. В данном контексте хотелось бы обратить особое внимание на репрессии, которые происходили теперь в Алматинской области, организованные большевиками.

Очень ярко об этом написал доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра уйгуроведения Института востоковедения КН МОН РК Аблет Камалов в своей статье под названием «Ату и гражданская война», опубликованной на сайте Национальной ассоциации уйгуров в 2018 г.

«Массовый расстрел мирных жителей уйгурских сел Семиреченской области в мае 1918 года, известный как «Ату пәжиәси» (Трагедия расстрела), явился одним из драматических страниц в истории уйгурского народа. Он произошел в период гражданской войны, в которую Россия оказалась ввергнутой после Октябрьской революции 1917 года. В пучину гражданской войны в России оказались втянутыми и уйгуры Семиречья, которые оказались между «молотом и наковальней».

Необходимость выбора политического союзника возникла в связи с расколом, произошедшим в среде русского населения области, которое разделилось на две противоборствующие группы: зажиточное сословие

казаков выступило против новой Советской власти, в то время как новые переселенцы из европейской части России (новоселы), в основном безземельные крестьяне, поддержали большевиков. Уйгуры-таранчи, которые в одном из архивных документов характеризуются как «темный, невежественный, но вообще мирный элемент населения» Семиречья, поддержало вооруженный антисоветский мятеж казаков в апреле-мае 1918 года в Верном. Хотя казачий мятеж был поддержан в основном населением близлежащих к городу уйгурских селений, следовавшим за своими лидерами, союз уйгуров с казачеством действительно имел место быть. И этот союз пугал большевиков, которые называли мятеж в Верном «мятежом казаков и таранчей», а иногда даже преувеличенно «мятежом таранчей».

Каковы бы ни были причины присоединения к казаческому мятежу и независимо от степени участия в нем, уйгуры поплатились за то, что в гражданской войне в России они выбрали не тех союзников. Как известно, на подавление казачьего мятежа были брошены все силы большевиков, а из Ташкента для оказания помощи местным большевикам был направлен карательный красноармейский отряд под командованием Митрофана Ивановича Мураева. После захвата власти в Верном, отряд Мураева двинулся дальше в сторону границы с Китаем, устраивая кровавую бойню в уйгурских селениях. В одном из архивных документов сообщается, что «после поражения при Зайцевском (Чилик – А.К.) массы таранчей ринулись через Джаркент в китайские пределы, спасая свою жизнь от карательных отрядов красных, уничтожавших почти всех их без исключения. Масса этих беженцев увлекла за собой жителей почти всех таранчинских селений уезда» (Л. Балаян. Кто был никем... // Ленинская смена. 29 августа 1990, с. 4).

Жертвами расстрела стали массы мирных жителей уйгурских селений Семиречья. В пределы Китая, по оценке большевиков, бежало около 20 тысяч уйгуров, а по преувеличенным данным белогвардейских и китайских источников, около 50-60 тысяч уйгуров [34].

Другой известный казахстанский писатель и публицист Исмаилжан Иминов в своей статье «Ату», или правда о красном терроре в Семиречье», опубликованной в журнале «Мысль» в 2013 году описывает события так:

«В пору моего далекого детства я слышал об этих событиях, которые уйгуры называют «Ату» (расстрел), из уст моей мамы, которая родилась и выросла в селе Малое Аксу Уйгурского района, но о ее рассказе я поведаю позже, а сейчас у меня в руках фотографии Е. Мураева и его красногвардейского отряда. Я внимательно вглядываюсь в лица Мураева и его солдат, которые уничтожили много тысяч человек в Семиречье. На первый взгляд, они обычные люди, под фотографией Мураева невольно пишу слова «палач», «людоед». А вот и групповой снимок, на нем 48 красноармейцев, в середине – их командир-изверг. Снимок сделан в мае 1918 года в городе Верном, справа от солдат – пушка, многие красноармейцы сфотографированы с поднятыми шашками. Даже на фотографии эти головорезы хотят запугать людей. На снимке с удивлением увидел и

женщину – сестру милосердия, долго смотрю в ее глаза... Я, конечно, понимаю, что именно эти красноармейцы принимали участие в убийствах многих женщин, детей, стариков и мужчин. И задаю себе вопрос: «Как они могли уничтожать невинных людей, насиловать женщин?!». Пытаюсь сам найти ответ на этот вопрос и хочу разобраться в том страшном времени, когда произошла эта безумная резня.

1918 год – это год начала Гражданской войны. После Октябрьского переворота 1917 года в Петрограде, борьба за власть в Семиречье ужесточилась. В ноябре 1917 года в станице Надеждинская (ныне город Иссык) собрались представители казачества, а также казахские и уйгурские баи, которые поклялись, что будут союзниками в борьбе с большевиками. В январе 1918 года было сформировано Семиреченское войсковое правительство, которое защищало интересы казачества и зажиточной части казахского и уйгурского населения края. Но 3 марта в городе Верном власть захватили большевики, в крае установилась Советская власть. В регионе было неспокойно. Общество было разделено: часть населения поддерживала «белых», другая – «красных». В апреле 1918 года началось восстание «белых». Казаки разгромили красногвардейский продотряд, который прибыл в станицу Софийская (ныне город Талгар) с требованием о сдаче 1000 пудов хлеба и оружия. «Белые» захватили власть в станицах Софийская, Надеждинская, Малая Алматинская.

Активно выступал за власть «белых» правитель Карасуйской волости Жамалдин Бушриев. Он был известным баем, общественным деятелем, сыном крупного богача Бушрибека, полковника казачьего войска. Волостной был единомышленником и союзником атамана Семиреченского казачьего войска, полковника Ионова и председателя войскового совета Маслова, непримиримых врагов Советской власти. Для борьбы с большевиками Ж. Бушриев провел насильственную мобилизацию в уйгурских селах Карасуйской волости, им был сформирован небольшой отряд, в составе 50-60 человек. Этот отряд, вооруженный копьями, топорами, вилами, дубинками, волостной Бушриев погнал на штурм Верненской крепости. За этими людьми шли вооруженные белоказаки, готовые стрелять в спины уйгуров. Но нападающих встретила пулеметная очередь, и толпа рассеялась: попытка овладеть крепостью не удалась. После неудачного штурма Верного Бушриев скрылся в Кульдже.

Борьба за власть в Семиречье продолжалась: неспокойно было и в уйгурских кишлаках. Священнослужители Муса Дамулла и его брат Ибрагим из села Киикбай, вместе с двумя белыми офицерами, побывали в уйгурских населенных пунктах, где уговаривали местное население выступить против «красных» – начать газават с кафирами. Вновь был сформирован маленький отряд, но недалеко от села Чилик он был рассеян отрядом красногвардейцев. Организаторы этого «нападения» бежали за границу. Провокаторы пытались разжечь и межнациональную рознь среди уйгурских и русских крестьян из-за земли.

В это время, часть уйгуров поддерживала и большевиков. Широкую известность на территории Казахстана приобрели революционеры Абдулла Розыбакиев, Исмаил Таиров, чекист Махмут Хожамьяров. В составе первой мусульманской ячейки большевиков, организованной в Верном, было сорок пять уйгуров. Из уйгуров был сформирован 57 Таранчинский кавалерийский полк, отдельный дивизион и эскадрон.

Я не случайно рассказал о событиях в Верном и Чилике – они явились поводом для мураевских массовых репрессий против уйгурского населения. Для упрочнения Советской власти в крае в Верный был направлен красногвардейский отряд под командованием Е. Мураева. Из Ташкента вышел небольшой отряд, в нем было около 50 человек, но в Верный вошла армейская группа в составе 600 человек (по другим данным, около одной тысячи человек): по пути в столицу Семиречья к отряду присоединялись казаки, демобилизованные солдаты, русские крестьяне, горожане Пишпека и Токмака.

Мураевцами были сожжены несколько казахских аулов на территории нынешних Жамбылского и Карасайского районов, были жертвы и среди мирных жителей.

Мой близкий друг, казахский поэт и журналист, автор нескольких историко-публицистических книг, Ратбек Терликбаев в июне 2009 года встретился с 81-летним аксакалом Тореханом Серботаевым, жителем села Карасай (в прошлом – Тонреккуршин, а в советское время – Куйбышев) Жамбылского района Алматинской области. Аксакал, хорошо знавший историю родного края, поведал ему, что красноармейцами отряда Мураева, весной 1918 года, у аула Тонреккуршин были убиты четыре невинных человека из рода Мырзатай племени Кошек. Это Жумахан Егинбаев, Накысбек, сын известного религиозного деятеля Курмана сопи, имя и фамилия четвертого неизвестно. Спасаясь от зверства мураевцев, род Мырзатай скрылся в ущелье Шубарат, что недалеко от села Чемолган, ныне Ушкoныр (публикуется впервые).

У станицы Любавинская (ныне город Каскелен) состоялась первая стычка мураевцев с казаками. Казаки оставили станицу, а вошедшие затем туда красногвардейцы расстреляли 13 мужчин.

Отряд Мураева, усиленный местными красногвардейцами, 21 апреля 1918 г. захватил Малую Алматинскую станицу, здесь ими было расстреляно около сотни казаков. С боями «красные» взяли станицы Софийская, Надеждинская, поселок Илийский. Мураевцы беспощадно уничтожали казаков, не щадили женщин и стариков. Они не жалели и жителей казахских аулов, поддержавших апрельское восстание «белых».

Семиречье ужаснулось жестокостью «красных». Так началась Гражданская война в крае.

Далее путь мураевцев лежал по Кульджинскому тракту, через уйгурские села. Первый населенный пункт на его пути был Жанашар. Основанное в 1883 году село Жанашар было одним из красивейших в

Семиречье. В нем проживало примерно 660 семей. Жанашар является родиной поэта Умара Мухаммади, одного из основоположников уйгурской Советской литературы.

Вступив в Жанашар, мураевцы окружили кишлак и собрали местное население, якобы для митинга. Собрав, они погнали их к берегу речки, здесь раздалась пулеметная очередь. Люди падали друг на друга. Красногвардейцы убили примерно 860 невинных людей. Вернувшись в Жанашар, мураевцы начали насиловать женщин и девушек. Проведя ночь возле бездыханных тел, они двинулись в село Таштыкары. В этом населенном пункте изверги уничтожили 750 человек: расстреливали, шашками рубили раненых, продолжали насиловать женщин. В селе Ташкенсаз бандитами было убито около тысячи человек, среди них было немало и стариков. Зверства мураевцев продолжались и в других населенных пунктах: лилась кровь в селах Баяндай, Караторук. На малой родине знаменитого революционера Абдуллы Розыбакиева, в кишлаке Киикбай, они убили около тысячи человек, остальные, бросив родные дома, бежали в Кульджу. Около трех тысяч человек мураевцы уничтожили в Лаваре. Они превратили в большое кладбище это село.

Многие годы одним из центров религиозного образования на юге Казахстана было село Корам. В те годы Корам называли второй Бухарой. В селе жило 900 семей, а население было более семи тысяч человек. Расцветали ремесла, здесь было немало гончаров, кузнецов, краснодеревщиков. На всю Центральную Азию здесь функционировало знаменитое медресе, многонациональные слушатели которого изучали не только Коран и основы ислама, но и арабский, персидский языки, светские дисциплины. В медресе преподавал известный религиозный деятель, педагог, ученый-теолог, имам Савут Ахун, который пользовался уважением не только среди уйгуров, но и казахов края. Его близкий казахский друг, тамыр Жумахан, узнав о погромах в уйгурских селах, в самый последний момент, перед приходом карателей, предложил Савут Ахуну покинуть Корам, но ученый решил в этот трагический час быть с земляками. Собрав все мужское население возле базара, мураевцы пулеметной очередью сразили их. Вновь изверги насиловали женщин, убивали случайных прохожих.

Внучка Савут Ахуна, известная уйгурская поэтесса, литературовед Патигуль Сабитова, которая хранила в памяти немало семейных преданий, рассказывала нам, что видя зверства мураевцев, теолог попросил, чтобы его убили последним. Во время убийства земляков Ахун читал суру из Корана «Ясын», лишь после того, как легли все корамцы-мужчины, изверги убили Савута Ахуна. Известно, что красногвардейцы издевались над бездыханным телом имама.

Сотни людей были уничтожены палачами в селах Чилик и Байсеит. По сведениям журналиста М. Мушрапилова, более 200 человек было убито красногвардейцами в Большом Аксу. В этом селе «красные» прошли по всем домам, собрав мужчин, усадили их в ряды по 10 человек. Сельчане

решили, что им сообщат новости, но раздалась пулеметная очередь. Трагедия произошла на центральной улице, у дома имама Садыра. О случившемся в селе Большое Аксу поведали, чудом оставшиеся живыми, старушка Рошанхан, мальчик Умар и дед Пахардин. По рассказам этих людей, большеаксуйцы знали о зверствах мураевцев, и многие из них предлагали уйти в горы, но аксакал Рахметулла, который пользовался уважением среди земляков и сочувствовал красным, уговорил их остаться. Но и он был сражен пулей врагов, перед кончиной старик просил прощения у земляков.

Конечно, видя зверства палачей, люди сопротивлялись. Удивительная история произошла в селе Долайта. В этом селе жил гордый и красивый старик – великан Хавайда. Трое палачей ворвались во двор аксакала. Увидев хозяина, они попытались поставить его на колени, а затем зарубить пашками. Палачи накинулись на великана, но не смогли в рукопашном бою расправиться с ним. Смерть наступила лишь тогда, когда три пули сразили аксакала. Отважный старик встретил смерть стоя.

А теперь, вернемся к рассказу моей мамы. Моя мама Ризванам Махмуткызы, которая прожила 80 лет, до конца своих дней гордилась своим дедом Надир кази Обуловым и его ролью по спасению малоаксуйцев во время этой карательной операции.

Из рассказа Ризванам Махмуткызы:

«Мой дед Надир Обулов избирался волостным правителем, многие годы являлся казием (судьей) Чарын-Аксуйской волости. Это был жесткий, решительный, с большими организаторскими способностями человек, умеющий в экстремальных ситуациях брать ответственность на себя. В 1916 году он выступил против мобилизации местного населения на тыловые работы. Надир, со своими джигитами, был среди тех, кто отобрал списки мужчин, направляемых на войну, у волостного правителя Азата.

Малоаксуйцы, среди которых были и сторонники «красных», готовились гостеприимно встретить мураевцев, но узнав о трагедии в Большом Аксу, Надир кази приказал своим землякам покинуть родное село: уйти в горы. Кази оставил последним Малое Аксу. Когда многочисленный отряд мураевцев вошел в населенный пункт, жителей в нем уже не было. Они нашли лишь одного человека – больного Турсуна Мамутова, который отказался бежать из родного села: враги убили несчастного».

О чудесном спасении малоаксуйцев немало писал историк и краевед Асым Касым, а в пору моего далекого детства я слышал эти рассказы и из уст маминых земляков старшего поколения.

Жертвы были и в соседнем селе Ават.

Жители села Тугмен с хлебом и солью встретили мураевцев, надеялись, что они их не тронут. Мураевцы разделили трапезу с жителями этого кишлака, их командира-палача не было с ними в тот момент. Тугменец Кадыр, который был в отъезде, узнав о трагедии в Большом Аксу, прискакал на лошади в село и крикнул землякам: «Бегите, бегите! Они убили аксуйцев, не пощадят и нас!». Тугменцы побежали к горе Караташлык, но здесь

издались выстрелы мураевцев. Часть жителей села спаслись, но погибло 33 человека. В тот роковой месяц почти все жители села Кольжат перешли границу. И это их спасло. О погромах в селах Шункар, Кетмень, Малое и Большое Ачинока сохранилось мало информации.

По некоторым данным, на территории современного Уйгурского района погибло 300-400 человек. (Қасим Асим Уйғур наһийәси... Алматы, 2005, с. 77).

Мураев неоднократно заявлял: «Если бы не я – Советская власть в Семиречье не установилась бы».

Кем был командир отряда палачей? О Мураеве сохранилось мало сведений. На фотографии 1918 года я вижу человека, который не старше сорока лет. Этот ухоженный мужчина, очевидно, он был выходцем из средних слоев. Известно, что Мураев в прошлом принадлежал к партии социалистов-революционеров (эсеров), их основным методом борьбы за власть был террор. Но после революции Мураев примкнул к большевикам и защищал их интересы.

В историю многонационального Казахстана, уйгурского народа, Мураев вошел как палач, который уничтожил десятки тысяч человек. Многие годы правду о кровавой трагедии не говорили. В плане-проспекте документальной выставки из Архива Президента РК «Тернистый путь: трудный переход», в разделе «Октябрьская революция и Гражданская война» сказано: «Отрядом Мураева было расстреляно все мужское население нескольких уйгурских кишлаков. Когда в конце 1920-х гг. старейшины обратились с просьбой об установлении памятника на месте этой трагедии, они получили категорический отказ. Сохранилось только одно косвенное документальное свидетельство: во время кампании по пересмотру, проверке и чистке РКП (б) в 1921 году в Джетысуйской губ. «вычищались» из рядов партии бывшие бойцы отряда Мураева, участвовавшие в «преступных деяниях». (АП РК Ф. 1. Оп. 1. Д. 307. Л. 7-8 об.).

В юности я был знаком с историком Маликом Кабировым, он владел большой информацией о тех кровавых событиях, называл их «красным геноцидом» по отношению к уйгурам Семиречья. Но в своей книге «Очерки истории уйгуров Советского Казахстана», изданной в советское время, не мог рассказать всей правды. Малик Кабиров пишет: «Часть уйгурского населения Верненского и Джаркентского уездов в мае-июне 1918 г. ушла в Кульджинский край. Прямым толчком к уходу ее в Китай явились массовые репрессии по отношению к широкому уйгурскому населению со стороны чуждых элементов, проникших в ряды красногвардейского отряда Мураева, прибывшего из Ташкента в Семиречье для оказания помощи в упрочнении Советской власти». (Кабиров М. Н. Очерки... Алма-Ата, 1975, с. 149-150).

Машур Рузиев в своей книге «Возрожденный уйгурский народ» говорит: «Чтобы подорвать доверие уйгурских масс к Советской власти, контрреволюционное кулацкое отребье под маской красногвардейцев в ряде селений устроило погромы. Собирая население якобы для «проведения

собрания», они в упор расстреливали людей из пулеметов и винтовок. Затем ходили по домам и убивали оставшихся в живых стариков, женщин и детей, насиловали девушек, грабили и сжигали жилье. Такой трагический эпизод произошел в селении Каратурук. Совершив кровавую расправу с жителями селений Корам и Лавар Верненского уезда, бандиты в форме красногвардейцев пришли в Каратурук. Людей, около 300 человек, они согнали в скотный двор и открыли огонь по ним. Раненых бандиты добивали шашками. После ухода бандитов, оставшиеся в живых, собрав свои пожитки, ушли в горы, часть же населения осталась, надеясь, что погромщики сюда больше не придут. Однако их надежды не оправдались. На следующий день прибыла новая группа банды, и расстрелы ни в чем неповинных людей, грабежи, насилие повторились.

Огнем и мечом прошлись каратели по уйгурским селам, от поголовного истребления жители их спаслись, благодаря бегству в горы». (Рузиев М. «Возрожденный уйгурский народ». Алма-Ата, 1982, с. 127-128).

К сожалению, историки М. Кабиров и М. Рузиев были вынуждены, исходя из советской цензуры, называть Мураева и членов его отряда «чуждыми элементами, проникшими в ряды красногвардейцев» или «контрреволюционным кулацким отребьем».

Сколько человек погибло в этой кровавой мясорубке? Этот вопрос волнует многих людей. Долгие годы мне посчастливилось общаться с известным ученым, бывшим директором Института уйгуроведения АН РК Коммунаром Талиповым. Он неоднократно рассказывал об этой катастрофе в истории уйгуров нашей страны. Зная его горячее сердце, любовь к многонациональному Казахстану, родному народу, я понимал, что Коммунар ака, конечно, не мог пройти мимо этой темы в своих работах. В статье «Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна в 20-е гг. XX в.» он писал: «Среди беженцев из Семиречья (в Китае) было около 25 тысяч уйгурских бедняков, которые чудом спаслись от массового расстрела. Причем, все они были близкими родственниками тех 15 тысяч невинных уйгуров, которые были зверски убиты красноармейцами Мураева в мае-июне 1918 года на территории Алматинского и Жаркентского уезда». («Исследования по уйгуроведению». Т. 4, Алматы, 2001, с. 48).

Видный уйгурский поэт Малик Садиров написал исторический дастан «Уйгур кисмити...». Этот дастан явился плодом многолетнего кропотливого труда поэта и историка. Если о восстании уйгуров в 60-годах XIX века в Илийском крае мы узнали из дастана Билала Назыма «Китабы газат дар мулки Чин» («Священная война мусульман против китайцев»), то о событиях «Ату», очевидно, будущие потомки будут читать из книги поэта Малика Садирова. Поэт считает, что 23 тысячи уйгуров было убито мураевцами в Семиречье («Уйгур кисмити...». Алматы, 2012, с. 50). Подлинную цифру узнать сейчас, через 95 лет, к сожалению, очень трудно. Палачи не подсчитывали погибших, но фактом остается одно: было убито очень много

народа. Современным историкам предстоит огромная работа в архивах, чтобы узнать истину.

В то трагическое время в истории уйгуров Семиречья братскую помощь своим сородичам оказали казахи края. Известны десятки примеров, когда казахи укрывали в своих аулах уйгуров, давали беженцам пищу, свою национальную одежду.

Огромную поддержку уйгурам на территории современного Уйгурского района оказал старейшина одного из родов племени Албан Тургенбай, друг Надир кази Обулова. Многие беженцы нашли пристанище на его жайлау в горах, старейшина помогал им и продуктами. После ухода карателей с сел Большое Аксу и Долайта, он и его джигиты принимали участие в похоронах сотен людей в этих населенных пунктах.

Кто дал команду о погромах в уйгурских селах? Или эта инициатива самого Мураева? До сих пор нет ответа на этот вопрос. Вероятно, что за действиями Мураева стояли высокопоставленные руководители Советской власти.

Как закончился жизненный путь палача Мураева? В разгар Гражданской войны его направили в Ферганскую долину, где часть населения в те годы составляли кашгарские уйгуры. Там и нашла его уйгурская пуля, которая отомстила за многочисленные невинные жертвы в Семиречье. Вместе с Мураевым в Ферганской долине были уничтожены и многие бойцы его карательного отряда.

В 1918 году обезлюдели многие уйгурские села: посеы, домашние животные, дома были разграблены. Наверное о зверствах мураевцев знал 21-летний Адбулла Розыбакиев. Но, что мог сделать молодой революционер, который страшно переживал за смерть безвинных людей?! Среди погибших было немало и его родственников, друзей, знакомых, а родное его село Киикбай прекратило существование. Позже, когда А. Розыбакиев станет одним из руководителей Республики, будет создана комиссия по выяснению обстоятельств этой трагедии и возвращению уйгуров в родные села. Являясь членом этой комиссии, он занимался беженцами, их возвращением на родину и обустройством их в своих селах. Розыбакиев побывал в Кульдже, провел большую работу: встречался с беженцами, китайскими властями.

В 1926 году, через восемь лет после тех памятных событий, Абдулла Розыбакиев писал: «Не осталось мужчин, людей в 30-ти уйгурских селах Алматинского и Жаркентского уездов, которые, спасаясь от гибели, были вынуждены бежать в Китай. Пережив трудные времена на чужбине, многие вернулись, но до сих пор в Китае находятся 10 тысяч уйгурских беженцев. Начиная с 1920 года около 15-ти тысяч уйгуров вернулись в родные края, большинство из них вернулось в 1922–1925 годах. Возможно ли за этот короткий срок восстановить их дома, наладить жизнь? Нет, конечно. Органы Советской власти разных уровней должны оказать беженцам необходимую помощь». («Тарих саваклири...». Алматы, 2010, с. 174).

Нужно прямо сказать: Абдулла Розыбакиев сыграл огромную роль в деле возвращения уйгуров из Илийского края. Благодаря ему, многим беженцам была оказана помощь. Все ли беженцы вернулись в Казахстан? Нет, конечно. Многие потеряли доверие к Советской власти. Потомки некоторых из них вернулись в Семиречье лишь в 50-х – начале 60-х годов прошлого века.

Разумеется, что Гражданская война 1918–1921 гг. не делила людей по национальному признаку. В горниле беспощадной и бессмысленной войны были убиты сотни тысяч невинных казахов, русских, дунган, киргизов... , но фактом остается одно: карательная операция отряда Мураева в мае-июне 1918 года была направлена, в первую очередь, против уйгуров края.

Прошло 95 лет после этих трагических событий. Из поколения в поколение в уйгурских семьях сохраняют память об этих погромах. О кровавой резне в Семиречье обязаны знать все жители многонационального Казахстана, о ней должно быть написано в школьных учебниках по истории, а в селах, где зверствовал отряд палача Мураева, – установлены памятники». [35. <https://mysl.kazgazeta.kz/news/1046>].

О социальном просвещении народных масс

Как итог можно сделать вывод о том, что в результате узколобости и недалекости духовенства и наследников престола за власть в Восточном Туркестане, мусульманское население не смогло объединиться должным образом. Каждый временный правитель навязывал народу свои амбиции и только потом думал о государственном процветании. Никто из них так и не понял простой истины, что страна становится сильнее и мощнее только благодаря консолидации общества, а также установлению гуманного режима. Народ, озлобленный растущей податью не имел права выбора, свободы слова. Дехкане элементарно не могли прокормить свои семьи из-за жестокого обременения, вследствие чего были очень озлоблены на своих правителей. Видя все это несовершенство и несправедливость, дети из простых семей, закаленные голодом и лишениями, не могли больше безучастно наблюдать за происходящим. Обучившись грамоте, многие из них стали активно высказываться против того или иного правления, пробуждать в сознании масс идеи равенства, свободы и независимости.

Каждый из мыслителей-революционеров был готов повести народ за собой и объявить войну невежеству и безграмотности. Народ призывали сбросить оковы рабства и несправедливости, пойти по пути прогресса, обучать своих детей новым учениям. Как ни странно, но очень большую роль в этом направлении сыграла геополитика. Вмешательство России, которая поглотит в себя многие республики братских уйгуров на долгие десятилетия. Конечно, о ее роли трудно судить однобоко. Российская империя принимала самое активное участие в подавлении национально-освободительного восстания, а также репрессиях крестьян-уйгуров с 1864 по 1867 гг. Здесь

хотелось бы акцентировать внимание на том, почему влияние северного соседа стало поворотным и губительным для независимости Восточного Туркестана.

Дело в том, что с конца XIX в. и кончая первую четверть XX в. экспедиции в Восточный Туркестан участились. В большинстве такое явление объяснялось геостратегическими императивами между Английской и Российской империями. В этот период один за другим страну посетили путешественники из Швеции (Гедин), Германии (А. Грюнведель, А. Лекок), Франции (Д. де Рейнс и П. Пельо), Японии (К. Отани, Т. Ханеда), Италии (Ф. де Филиппини) и т. д. Наиболее примечательными и, как казалось самому исследователю, результативными оказались три экспедиции английского ученого А. Стейна (1900-1901; 1906-1908; 1913-1915 гг.), который обследовал почти всю Территорию Восточного Туркестана и опубликовал около 20 книг. Кашгария казалась загадочной и малоизученной для европейцев, поскольку очень длительное время она оставалась известной лишь самим азиатам. Стремление проникнуть на один из важнейших «перекрестков» Центральной Азии, где проходили главные пути мировой торговли из Китая в Индию, Бухару и т. д. было практически неумным, и вскоре на шумных базарах мусульманских поселений появились английский чай, различные мануфактурные изделия, а позже ружья, которыми не преминули воспользоваться повстанческие отряды из числа уйгурских революционеров.

Для того чтобы более ясно понять и описать события начала XVIII, конца XIX столетий, нужно обратить внимание на самих жителей Восточного Туркестана, понять их психологию, социальный уклад и быт, а также нравы. В этом отношении бесценными остаются описания русских исследователей и дипломатов, в частности того же Г. Грум-Гржимайло, который написал сочинения под названием «Описание путешествия в Западный Китай»:

«Насколько нам удалось определить характер турфанца – скромность составляет его удел; я думаю, что у некоторых она переходит даже в забитость. Турфанец терпеливо выносит тиранию китайской администрации и своего природного князя, но, может быть, это только временно бездействующий вулкан? Во всяком случае, он мало напоминает прежнего жителя этой страны, непокойного и вечно с кем-нибудь да воевавшего чешысца... Он предпочитает, по-видимому, мир да покой, а потому хотя и ропщет, но все же лезет в ярмо, добровольно обращаясь в батрака каждого, кому не лень наживаться на счет этого добродушного человека; поэтому, мне кажется, нет страны, где бы ростовщичество было так распространено, как именно здесь. «Когда-то, – говорили нам старики, – мы переживали лучшие времена; тогда и народ был честнее... Воровство и обман строго наказывались, а теперь этих наказаний никто уже не боится...».

Можно легко этому поверить. Сама судьба заставляет человека, попавшего в лапы ростовщика, изворачиваться, затем унижаться и, наконец,

даже прибегать к недозволенным законом и совестью действиям. Подобное движение по наклонной плоскости вниз так хорошо всем известно, что о нем и распространяться долго не стоит. К тому же народ, управляемый не законами, а произволом, проходит здесь очень плохую школу нравственности; про Турфан же мы скорее, чем про какую-нибудь другую страну Востока имеем право сказать, что закон существует здесь только для тех, кто богат. При всем том, благодаря своей аккуратности, трудолюбию и умению довольствоваться самым малым, турфанец еще сводит кое-как концы с концами; при поверхностном взгляде он производит впечатление даже человека зажиточного: так, всегда он опрятно одет и в таком порядке находится его крошечный дворик и прилепившиеся на краю последнего жилые покои [36. Русский вестник, 1892, № 9, 11, 12].

Русские путешественники донесли до нас подробные данные о жизни и роли в обществе различных слоев населения Восточного Туркестана. Из них следует, что вся светская и духовная власть в стране была сконцентрирована в руках хакимов, сеидов и ходжей. Хакимы – потомки прежних правителей – владели родовыми землями, обрабатываемыми преимущественно их собственными рабами, несмотря на то, что рабство было официально упразднено. Хакимы жили в городах и селениях, занимались исключительно земледелием, пренебрегая другими промыслами. Сеиды, потомки Магомеда и ходжи, являлись большей частью лицами духовного звания, они жили исключительно в селениях. Пользовались уважением в народе; жители, приступая к какому-нибудь важному делу, например, к постройке дома, к торговой операции или отправляясь в путь, обращались за благословением и приносили им деньги, платье или съестные припасы. Ходже большую часть времени проводили в молитве и паломничестве по мазарам. У них были земли, но они не обрабатывали их, а отдавали в аренду. В Кашгарии в любом незначительном селении имелось несколько мулл и каждый имел свой приход (малля). Один из них назывался ахуном, т. е. старшиной, и ему подчинялись остальные. Ахуны, в свою очередь, подчинялись хукум-казы – высшему духовному лицу в округе. Главой духовенства в Кашгарии считался Яркендский хукум-казы, носивший титул аляма [37, с. 331-332].

Исходя из сказанного, можно представить, какое колоссальное влияние на простых граждан имело духовенство. Поэтому мировоззрение прогрессивных мыслителей-гуманистов, писателей и поэтов сложилось под влиянием объективных и субъективных факторов исторического развития Восточного Туркестана второй половины XIX в. просвещенные философы всегда и повсеместно старались выражать интересы народных масс, были гласом народа, выступали против, как духовенства, так и маньчжурских поработителей. Их основным идейным социальным направлением была борьба за выживание, свободу и независимое будущее каждого дехканина. Поскольку только независимость способна обеспечить народу развитие и прогресс. Все поэты-демократы прекрасно понимали, что общественные

отношения, сложившиеся в их время, больше не будут двигать социум по пути развития.

Будучи сторонниками социального прогресса, они отстаивали права и достоинство человека труда, выступали против колониальной политики и шовинистической идеологии, резко осуждали местных эксплуататоров и духовенство. Я говорю об уйгурских поэтах-гуманистах как о философах и просветителях не потому, что они отражали идеологическую суть национальной борьбы за самоопределение, а потому, что мировоззрение каждого из них зиждилось на нравственных идеалах человеческого самосознания. Никто из уйгурских мыслителей второй половины XIX в. не написал отдельных социально-философских трактатов, поскольку все как один излагали демократические идеи в художественно-образном и поэтическом формате. Творчество поэтов-мыслителей – Садыра Палвана, Билала Назыма, Муллы Шакира, Сеида Мухаммада Каши и других является не только первоисточником по изучению истории социально-экономических и политических отношений Восточного Туркестана того времени, но и основой исследования демократических идей и взглядов, психологии народа. Все вышеперечисленные мыслители стали революционерами нового мышления, основателями доселе никому неизвестной и непонятной идеологии. Идеологии, которая значительно облегчила жизнь каждого крестьянина и научила жить его так, как велит ему его сердце – быть полноценной частью социума.

Казахстан – колыбель мира и созидания

Когда-то, благодаря отзывчивости и гостеприимству братских народов Центральной Азии – казахам, кыргызам, узбекам, часть уйгуров смогла освободиться от гнетущего колониального ига маньчжурских захватчиков, переселить на просторы вольных и непокоримых степей свои семьи и начать там новую жизнь. Братские взаимоотношения этих народов предопределили высокие приоритеты общечеловеческих ценностей, межкультурного и традиционного диалога, которые и поныне бережно чтятся их благодарными потомками. По словам знаменитого казахстанского уйгуроведа и литератора Мурата Хамраева, труды очень большой части выдающихся уйгурских мыслителей до сих пор остаются малоизученными и неизвестными широкому кругу читателей. «Становится совершенно очевидно, что среди тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана уйгурская письменная литература является не только древней, но и богатой. Она дала миру десятки выдающихся писателей и поэтов, большинство из которых, к сожалению, еще далеко не достаточно известны» [38, с. 23].

В одном из своих интервью телеканалу «Қазақстан» в 2015 году Первый Президент Казахстана Н. Назарбаев сказал: «Даже во времена (Казахского) ханства, о котором мы говорим, толерантность была присуща нашему народу. Через казахстанские великие степи проходили многие

народы. Это саки, гунны, чингисхановские войска. Этнические группы в этой степи были, и наш народ воспринял их культуру. Мы сейчас не можем представить, что за религия у них была, традиции и культура. Эта разнообразная культура впитывалась нашим народом, воспитывая в нем толерантность. Поэтому и сейчас, когда мы получили независимость, наша страна по воле судьбы стала многонациональным государством, поскольку сюда во времена СССР депортировали разные народы, вынужденных переселенцев. Так, Казахстан стал многонациональным. Мы с первых дней приняли позицию внимательного, доверительного отношения ко всем этносам, живущим в Казахстане, ко всем религиям. Казахстан – земля всех казахстанцев. Наша Конституция начинается со слов «Мы – народ Казахстана». На этой основе мы обеспечиваем равные права всех культур, всех религий в нашей стране. На этой базе существует Ассамблея народа Казахстана, которая объединяет всех, является трибуной, голосом, которому внимают правительство и государство в целом» [39].

Когда-то, благодаря братскому казахскому народу, уйгуры, спасаясь от социального гнета репрессий, нашли на священной земле Казахстана тепло, уют и покой. Десятилетия рабского угнетения и сломленные судьбы тысяч семей в годы большевистско-сталинской власти, т.е. в период массовых политических репрессии в Казахстане не прошли бесследно и все еще отдаются эхом в сердцах миллионов потомков. Радует одно, что уйгуры в Казахстане имеют все возможности сохранить язык, культуру и традиции. Полноценно развиваться и вносить вклад в общее процветание родной страны, где они имели честь родиться. Помимо них в Казахстане обрели родной дом представители более 140 национальностей, и эта цифра продолжает неуклонно расти. Думаю, именно поэтому уйгуры Казахстана всегда будут испытывать истинную душевную радость и гордость за свою страну, а также благодарить весь братский казахский народ за проявленное когда-то ими глубокое уважение к уйгурам Семиречья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шивашанкар Менон К. П. «Древней тропой: путевые заметки. – Москва, 1958. – 87 – 88 с. См. также: Шефер Э., Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах империи Тан. – Москва, 1981 г. и др.».
2. Кабиров М. Очерки уйгуров Советского Казахстана. – Алма-Ата, 1975. – 235 с.
3. Кашгари Махмуд. Дивану лугатит турк (словарь тюркских народов), т. I. – Ташкент, 1960. – с. 134 – 135 (перевод на узбекский язык Муталипова).
4. Кабиров М. Очерки уйгуров советского Казахстана. – Алма-Ата, 1975. – 235 с.
5. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. – Фрунзе, 1943. – 31 с.

6. Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров. Санкт-Петербург 1899. 11 с.
7. Исхаков Г.М. «Исследования по уйгуроведению». Алматы, 2005. 306 с.
8. Кляшторный С., Колесников А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.), Алма-Ата, 1988. – 406 с.
9. Де Рубрук Гильом. – Санкт-Петербург, 1911. – 115 – 116 с.
10. Шабалов А.С. Происхождение уйгуров, ойратов (калмыков) и других телэских племен XVIII в. до н. э. – XIV в. н. э. Историко-этнографическое исследование по российским и казахстанским материалам. Иркутск, 2014. – 150 с.
11. Нарынбаев А. Избранные произведения. Т.2. Бишкек, 2005 г. – 630 с. 28
12. Восточный Туркестан в цивилизационных процессах Центральной Азии. – Алматы, 2010. – 450 с.
13. Исхаков Г.М. «Исследования по уйгуроведению». Алматы, - 2005. – 306 с.
14. Оловинцов А. Г. Тюрки или монголы? Эпоха Чингисхана. – Алматы, 2013. – 308 с.
15. Тимошинов Виктор. Культурология. Казахстан, Евразия, Восток, Запад. Аналитический обзор мировой культуры. – Алматы, 2007. – 399 с.
16. Лео де Хартог. Чингисхан – завоеватель мира. Изд-во АСТ. – Москва, 2008. – 52-53 с.
17. По Харадавану. Ташкент, 1983. №1, – 317 с.
18. Садвакасов Г.. Вопросы истории и культуры уйгуров. – Алма-Ата, 1987. – 166 с.
19. The history of the World-Conqueror by Juvaini, translated T.A. Boyle, vol.
20. <https://cyberleninka.ru/article/n/arheologicheskie-materialy-ekspeditsii-georga-huta-v-vostochnyy-turkestan>
21. Восточный Туркестан в цивилизационных процессах Центральной Азии // Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Талипова К. Т. – Алматы, 2010. – 450 с.
22. Исхаков Г.М. «Исследования по уйгуроведению». - Алматы, 2005. - 306 с.
23. Семенов Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности РГО (1845 – 1895 гг.) ч. 1. – Санкт-Петербург, 1896. – 26 с.
24. Валиханов Ч.Ч. Собр. Соч.: В 5 т. – Алма-Ата, 1985. Т 3., – 325 с.
25. Исхаков Г.М. «Исследования по уйгуроведению». - Алматы, 2005. - 306 с.
26. Куропаткин А. «Кашгария: историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – Санкт-Петербург 1789. – 288 с.
27. Кляшторный С., Колесников А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.), Алма-Ата, 1988. 58-59 с.
28. Molla Musa Sayrami. THE TARIKH-I HAMIDI A Late-Qing Uyghur History MUSA SAYRAMI TRANSLATED BY ERIC SCHLUESSEL.

29. http://www.turklib.com/?category=general_history-military_history-documents&name=kashgariya_istorikogeograficheskii_ocherk_strany_ee_voennoye_promyshlennost_i_torgovlya_-_kuropatkin_a_n.
30. Ч. Ч. Валиханов. «О состоянии Алтышара, либо шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу Малой Бухарии».
31. <https://milliard.tatar/news/uigury-v-xx-veke-antikitaitskie-vosstaniya-sozdanie-turkestanskix-respublik-i-tatarin-fatix-1934-1946-2776>.
32. <https://nau.kz/news/atu-i-grazhdanskaya-vojna>
33. <https://mysl.kazgazeta.kz/news/1046>
34. Г.Е. Грум-Гржимайло. Неизведанные страны Средней Азии. Турфан. (Отрывки из записок) // Русский вестник, 1892, № 9, 11, 12
35. М. Хамраев «Веков неумирающее слово» – Алма-Ата, 1969. – С. 23.
36. Интервью Н. Назарбаева телеканалу «Қазақстан» от 13. 09. 2015 г. <https://www.nur.kz/888124-nazarbaev-rasskazal-kak-kazakhstan-st.html>.

References

1. Shivashankar Menon K. P. «Drevnej tropoyu: putevye zametki. – Moskva, 1958. – 87 – 88 s. Sm. takzhe: Shefer E.H., Zolotye persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh imperii Tan. – Moskva, 1981 g. i dr.».
2. Kabirov M. Ocherki ujugurov sovetskogo Kazakhstana. – Alma-Ata, 1975. – 235 s.
3. Kashgari Makhmud. Divanu lugatit turk (slovar' tyurkskikh narodov), t. I. – Tashkent, 1960. – s. 134 – 135 (perevod na uzbekskiy yazyk Mutalipova).
4. Kabirov M. Ocherki ujugurov sovetskogo Kazakhstana. – Alma-Ata, 1975. – 235 s.
5. Bartol'd V. V. Ocherk istorii Semirech'ya. – Frunze, 1943. – 31 s.
6. Pozdneev D. Istoricheskij ocherk ujugurov. Sankt-Peterburg 1899. 11 s.
7. Iskhakov G. M. «Issledovaniya po ujugurovedeniYU». – Almaty, 2005. 306 s.
8. Klyashtornyj S., Kolesnikov A. Vostochnyj Turkestan glazami russkikh puteshestvennikov (vtoraya polovina XIX v.), – Alma-Ata, 1988. – 406 s.
9. De Rubruk Gil'om. – Sankt-Peterburg, 1911. – 115 – 116 s.
10. Shabalov A. S. Proiskhozhdenie ujugurov, ojratov (kalmykov) i drugikh telehskikh plemen XVIII v. do n. eh. – XIV v. n. eh. Istoriko-onomasticheskoe issledovanie po rossijskim i kazakhstanskim materialam. – Irkutsk, 2014. – 150 s.
11. Narynbaev A. Izbrannye proizvedeniya. T.2.- Bishkek, 2005g. 630 s.28
12. Vostochnyj Turkestan v civilizacionnykh processakh Central'noj Azii. – Almaty, 2010. – 450 s.
13. Iskhakov G.M. «Issledovaniya po ujugurovedeniYU». Almaty, 2005. - 306 s.
14. Olovincov A. G. Tyurki ili mongoly? Ehpokha Chingiskhana. – Almaty, 2013. – 308 s.

15. Timoshinov Viktor. Kul'turologiya. Kazakhstan, Evraziya, Vostok, Zapad. Analiticheskij obzor mirovoj kul'tury. – Almaty, 2007. – 399 s.
16. Leo de Khartog. Chingiskhan – zavoevatel' mira. Izd-vo AST. – Moskva, 2008. – 52-53 s.
17. Po Kharadavanu. Tashkent, 1983. №1, – 317 s.
18. Olovincov A. G. Tyurki ili mongoly? Ehpokha Chingiskhana. – Almaty, 2013. – 308 s.
19. Sadvakasov G. Voprosy istorii i kul'tury ujugurov. Alma-Ata, 1987. 166 s.
20. The history of the World-Congueror by Juvaini, translated T.A. Boyle, vol.
21. <https://cyberleninka.ru/article/n/arheologicheskie-materialy-ekspeditsii-georga-huta-v-vostochnyy-turkestan>
22. Vostochnyj Turkestan v civilizacionnykh processakh Central'noj Azii // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati Talipova K. T. – Almaty, 2010. – 450 s.
23. Iskhakov G. M. «Issledovaniya po ujugurovedeniYU». – Almaty, 2005. – 306 s.
24. Semenov Tyan'-Shanskij P. P. Istoriya poluvekovoj deyatel'nosti RGO (1845 – 1895 gg.) ch. 1. – Sankt-Peterburg, 1896. – 26 s.
25. Valikhanov CH.CH. Sobr. Soch.: V 5 t. – Alma-Ata, 1985. T 3., – 325 s.
26. Iskhakov G. M. «Issledovaniya po ujugurovedeniYU». – Almaty, 2005. – 306 s.
27. Kuropatkin A. «Kashgariya: istoriko-geograficheskij ocherk strany, ee voennye sily, promyshlennost' i trgovlya. – Sankt-Peterburg 1789. – 288 s.
28. Klyashtornyj S., Kolesnikov A. Vostochnyj Turkestan glazami russkikh puteshestvennikov (vtoraya polovina XIX v.), Alma-Ata, 1988. 58 – 59 s.
39. Molla Musa Sayrami. THE TARIKH-I HAMIDI A Late-Qing Uyghur History MUSA SAYRAMI TRANSLATED BY ERIC SCHLUESSEL.
30. http://www.turklib.com/?category=general_history-military_history-documents&altname=kashgariya_istorikogeograficheskii_ocherk_strany_ee_voennye_sily_promyshlennost_i_torgovlya_-_kuropatkin_a_n.
31. CH. CH. Valikhanov. «O sostoyanii Altyshara, libo shesti vostochnykh gorodov Kitajskoj provincii Nan Lu Maloj BukhariI».
32. <https://milliard.tatar/news/uigury-v-xx-veke-antikitaiskie-vosstaniya-sozdanie-turkestanskix-respublik-i-tatarin-fatix-1934-1946-2776>.
33. Novye dokumenty o poezdke v Kitaj Petlina Ivana // Sovetskoe kitaevedenie, № 1. – Sankt-Peterburg, 1958. – S. 15
34. G.E. Grum-Grzhimajlo. Neizvedannye strany Srednej Azii. Turfan. (Otryvki iz zapisok) // Russkij vestnik, 1892, № 9, 11, 12
35. M. Khamraev «Vekov neumirayushchee slovo». Alma-Ata, 1969. -S.23.
36. Interv'yu N. Nazarbaeva telekanalu «KazakstaN» ot 13. 09. 2015 g. <https://www.nur.kz/888124-nazarbaev-rasskazal-kak-kazakhstan-st.html>

Литерация: Юсуф Хасс Хаджиб Баласагуни (араб. حاجب خاص يوسف البلاساغوني);

Махмуд ибн аль-Хусейн ибн Мухаммед аль-Кашгари (Махмуд Кашгарский, (араб. الكاشغري محمد بن الحسين بن محمود);

Алишер Навой (узб. Alisher Navoiy; уйг. Әлшир Нава'и/ناوائى ئەلشېر; (перс. نوائى علیشېر);

Кумар Падма Шивашанкара Менон (англ. Kumara Padma Sivasankara Menon Sr.;

Самсак-ходжа (уйг. Samsaq hoja / Самсақ Хожа, чагат. خواجه سامساق) или Салих-ходжа (уйг. Salih hoja / Салиһ Хожа, чагат. خواجه صالح);

Уйғуры (уйг. ئۇيغۇرلار, uyghurlar, ранее — ууоқurlar, кит. 维吾尔, Wéiwú'ěr;

Kutadgu Билиг[А] или Qutadğu Билиг (/ку: 'Тә:дгу: 'бияк/; Khaqani тюркского: [qutað'gʊ bi'liq]);

Такла-Мақан (кит. трад. 塔克拉瑪干沙漠, упр. 塔克拉玛干沙漠, пиньинь Tǎkèlāmǎgān Shāmò, уйг. قۇملۇقى تەكلىماكان, Тәклимакан қумлуқи < уйгур. заимствование (из араб.: такла от ترك тарк);

Тянь-Шань[1] (кирг. Ала-Тоо, Теңир-Тоо, тадж. Тиён Шон, кит. упр. 天山山脉, пиньинь Tiānshān shānmài, палл. Тяньшань шаньмай, уйг. تەڭرىتاغ, Тәңри тағ, каз. Алатау, Тәңіртау, узб. Tyan-Shan/Tangritog', монг. Тэнгэр уул.;

Восточный Туркестан (уйгуры: شەرقىي تۈركىستان: Sherqiy Turkestan, Шәрқий Туркистан);

Марко Поло (итал. Marco Polo);

Виллем (Вильгельм) Рубрук (фр. Guillaume de Rubrouck, нидерл. Willem van Rubroeck.

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАППАЙ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН
ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ӘЙЕЛДЕРДІҢ ЖАҒДАЙЫ
ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ГОДЫ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ
THE SITUATION OF WOMEN DURING THE YEARS OF MASS
POLITICAL REPRESSION IN KAZAKHSTAN**

FTAMP 03.00.20

**1920-1950 Ж. САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН ӘЙЕЛДЕР
(АҚМОЛА, ҚОСТАНАЙ, СҚО БОЙЫНША)**

Құралай Қуандыққызы Сарсембина
тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Уәлиханов атындағы тарих және
этнология институтының Астанадағы филиалы, Қазақстан, Астана қ.

Автор-корреспондент
e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Аннотация. Мақалада 1930-1950 жылдары Ақмола, Қостанай, Солтүстік Қазақстан облыстары бойынша саяси қуғын-сүргінге ұшыраған әйелдер тағдыры деректер негізінде зерделенген. Мақалада ер адамдар жаппай жазықсыз жазаға тартылғанда, олармен бірген әйелдердің де саяси қуғын-сүргін зобалаңына ұшырағандығы дәйектеледі. Жазықсыз азап шеккен әйелдер тағдыры кеңестік тоталитарлық жүйенің қылмысы екендігі, саяси қуғын-сүргін большевиктер билігінің орнығуымен қатар жүргендігі қарастырылады. Саяси қуғын-сүргін жалпылама бағыт алғанда, сол бір зобалаңға әйелдер де, жасөспірімдер де ілікті. Жазықсыз сәбилер тірі жетім атанып, ПХК жетімектеріне айналды.

Кейбір деректерде (архивтерде) саяси қуғын-сүргінге ұшыраған әйелдердің аты-жөні, тегі, үкімі, туған жылы және өзге де қажетті дерек көздерінің жүйесіз жазылғандығын, тіпті кейде жазылмай қалғандығын да айтуымыз керек. Түрмедегі әйелдердің қылмыстық іс-қағаздары дұрыс толтырылмаған.

Мақалада Ақмола облысы бойынша саяси қуғын-сүргінге ұшыраған әйелдердің ұлты, қызметі, білімі, оларға қолданылған жаза түрі және т.б. мәліметтер талданды.